

что в первичной версии отрок Миронегга был тезоименен своему господину. Увлеченный собственной гипотезой, Д. В. Айналов не только исключает дедукцию в мышлении иллюминатора, но и более того — он сам отказывается от такой возможности, когда толкует миниатюру, на которой изображено перенесение катафалка с телами Бориса и Глеба в поставленный Ярославом пятикупольный храм.³⁴ По мнению Д. В. Айналова, об этом перенесении упоминает только анонимное Сказание, тогда как Нестору оно неизвестно. Нестор, действительно, не говорит буквально о перенесении. Но об этом перенесении можно заключить из сопоставления двух его сообщений: 1) «Ярославу ... възградившую церковь Бориса и Глеба о клетце, в ней же стояста раце святою»; 2) после ее освящения «раце же святою постави в церквы на десней стране».³⁵ Д. В. Айналов понимает оборот «о клетце» исключительно как вокруг, над клетью-часовней, тогда как предлог «о» обозначает также «у», «около», т. е. рядом, поблизости.³⁶ Иногда предлагаемое Д. В. Айналовым толкование явно ошибочно. Анализируя миниатюру, изображающую исцеление хромого, свидетелем которого был, по анонимному Сказанию, Ярослав, исследователь утверждает, что она основана на тексте Нестора, так как не изображает очевидца.³⁷ Вопреки, однако, утверждению Д. В. Айналова, Нестор также говорит о присутствии Ярослава при чуде, но в иной последовательности.³⁸ Итак, мастер просто не ввел в композицию этой сцены Ярослава, так же, впрочем, как и митрополита. Творческая мысль мастера диктовала ему также дополнения, не отражавшие текстов. Убийцы Бориса приносят Святополку шапку убитого. И в этом случае Д. В. Айналов готов утверждать, что упоминание о шапке содержала утерянная версия Жития Бориса и Глеба.³⁹ Вслед за А. В. Арциховским, который наглядно продемонстрировал тенденциозный характер «неосторожных выводов» Д. В. Айналова о шапке Бориса, заключаю, что рисовальщик, стремясь придать представленной сцене пластичность, воспользовался известной в то время символикой княжеской шапки.⁴⁰ Заслуживает также сравнения в обоих сборниках сцена, изображающая поручение Святополком «Путьшине чади» убить Бориса. В Сильвестровском (л. 123 об.) Святополк восседает перед четырьмя воинами, движением рук как бы объясняя им поручение. Первый из воинов протягивает руку жестом, как бы иллюстрирующим слова Путьши в Сказании «всьи мы можем главы своя положити за тя». В Уваровском сборнике (л. 28 об.; см. рис. 1) та же сцена, но движения рук несколько изменены. Святополк дает меч, к которому протягивает руку первый из воинов. Следует предполагать, что иллюминатор Уваровского списка дополнил сцену, в протографе более близкую Сильвестровскому сборнику.⁴¹ И хотя он отошел от буквы текста, но полнее изобразил его суть. На Коломенской житийной иконе Бориса и Глеба XIV в. встречаем сцену, в которой у изголовья спящего в последний раз земным сном

³⁴ Д. В. Айналов. Очерки..., стр. 115—118, рис. 37; И. И. Срезневский. Сказания..., стр. 123; Сильв. сб., л. 150; Увар. сб., л. 50 об.

³⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 18—19; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 199.

³⁶ См.: Срезневский, Материалы, т. II, стлб. 491—492; ср.: В. Лесючевский. Вышгородский культ..., стр. 235.

³⁷ Д. В. Айналов. Очерки..., стр. 118—120, рис. 38.

³⁸ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 19, ср. стр. 55; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 199.

³⁹ Д. В. Айналов. Очерки..., стр. 74.

⁴⁰ А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра..., стр. 175—176.

⁴¹ В Радзивилловской летописи та же композиция сцены, что и в Сильв. сб.; см.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, т. I, СПб., 1902, л. 74 об.